

Дмитрий Андреевич ФУРМАНОВ

МЯТЕЖ

Роман

ОГЛАВЛЕНИЕ:

[I. По Семиреченскому тракту](#)

[II. В Верном](#)

[III. Мятеж](#)

I. ПО СЕМИРЕЧЕНСКОМУ ТРАКТУ

Девятьсот двадцатый год. Март. По Ташкенту, по аллеям - золото ранней сухой восточной весны. В теплом воздухе - сонная, ленивая тишина. Многоцветные пряные сарты* по уютным лавчонкам смачно пожевывают сочный кишмиш. Редким гостем проскочит из-за угла кожаная тужурка, проскользнет парусиновый зеленый портфель, зафыркает в отдаленье автомобиль, - это мчится кто-то на заседание ревсовета. Все туда - к огромному каменному дому, где кипит тревогой жизнь, где до зари и за зарей прыгают лихорадочно бессонные пальцы по растянутым на стенах полотнищам карт, униженным многоцветными клумбами звездочек, головастых булавок, пернатых флажков.

* Так, неправильно, называли до революции местное коренное население Ташкента и некоторых других городов Средней Азии. Фурманов употребляет это название, так как оно было еще в ходу в годы утверждения Советской власти в Туркестане. (Прим. ред.)

Глухая, забаяканная, ленивая тишь. По улицам в мертвом городе мертвый покой. А в каменном доме - за широкими столами, у карт стенных, у столиков, где стрекочут неугомонные морзе, в глухой шифровалке - таинственные имена: Иргаш, Мадамин, Хал-Хаджа, Курширмат...

От разбойников нет покоя многострадальной Фергане. И в другом краю, на далеком Семиреченском фронте, где под Копалом сдалась белая армия, - грозные, ядерные остатки битой армии с Анненковым, со Щербаковым скачут в Китай... Им надо отрезать путь, нагнать, уничтожить, убить последнюю возможность возврата тяжелой боевой страды. Не замирающая ни на миг, тревожная забота мечется по холодным высоким комнатам ревсовета, и нет здесь доступа золотым лучам туркестанского солнца. И люди здесь иные, - не те, что в сонной дремоте бродят тенями с аллеи на аллею: перехвачены ремнями тугие корпуса, оттянуты револьверами кожаные куртки, строги суровые желтые лица, кратки и четки холодные речи. И встретив на воле - долгим изумленным взглядом провожают их цветные халаты, лениво пережевывая пряный кишмиш.

Мы сегодня целый день, как волчки, вокруг ревсовета. Мы завтра ранним утром покидаем Ташкент. Уезжаем в Семиречье, в Верный. На заманчивую неведомую работу. Неизменный Василь Василич прихлопывает нам оранжевой печатью семимильные мандаты. Я на свой улыбнулся не раз: тут целая программа в сто параграфов, устав, весь мой символ веры. "Если, - подумал я, - все выполнять, что сказано в этом мандате, - сроку надо никак не меньше двести годов. Это вот так мандатец: с таким и в воде не утонешь, в огне не сгоришь". Гляжу - и сам Василь Василич улыбается. Но не место здесь шутить. Он молчалив и серьезен: должность такая. Он посмеется потом, а теперь лишь смачно и крепко прихлопнет именитую бумагу, подожмет плотно губы под черные усики и крикнет, словно после рюмки в трескучий мороз.

Это в ревсовете. А против - угол на угол - политуправление фронта. И здесь суeta неумная. Шутка ли: уезжает в глухую даль - кто знает, на сколько времени, на какие дела и